А. И. ПАТРУШЕВ

Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880—1936)

Уютный городок Байройт в Северной Баварии на берегах неторопливого Майна. Лето 1933 г. Всюду звучит музыка. Проходит ежегодный вагнеровский фестиваль, ведь это город, где в течение многих лет жил великий композитор Рихард Вагнер, создавший свой знаменитый оперный театр.

25 июля чуть пополудни. В апартаментах одного из городских отелей беседуют двое мужчин. Первый, человек невысокого роста, с косой челкой темных волос. Лихорадочно горящие синие глаза, под длинным утинообразным носом топорщится щеточка усов. Энергично жестикулируя он то вскакивает с места и расхаживает по комнате то вновь садится в кресло. Звучит хрипловатый гортанный голос с заметным австрийским акцентом. Нескончаемым потоком льются слова о разложении Франции, о дискуссии в евангелической церкви о происках коммунистов — поджигателей рейхстага о наступлении этапа обновления и перестройки Германии.

Его визави, похожий на пастора грузный мужчина с голым черепом, тяжелыми набрякшими веками и плотно сжатым ртом, время от времени старается прервать эти монологи. После нескольких безуспешных попыток он замолкает и только с едва скрытым презрением поглядывает на экспрессивные жесты собеседника, который упрекает его в консерватизме, в пренебрежении расовым фактором в истории и вообще в непонимании грандиозных задач новой эпохи. Разговор, который явно не получился, наконец закончен. Собеседники холодно, едва ли не враждебно прощаются друг с другом.

Такой была первая и единственная встреча новоиспеченного рейхсканцлера и фюрера немецкого народа Адольфа Гитлера и самого знаменитого философа Германии 20-х годов автора одной из самых оригинальных книг нашего столетия Освальда Шпенглера[1].

В маленьком провинциальном городке Бланкенбурге, лежащем в отрогах Гарца, 29 мая 1880 г в семье почтового чиновника Бернхарда Шпенглера и его жены Паулины

Печатается по: *Патрушев А. И.* Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880—1936) // Из истории общественной мысли. Новая и новая и новейшая история. 1996. №3. С 122—144.

[1] В обширной литературе о Шпенглере следует отметить такие произведения: Neurath O. Anti-Spengler. München. 1921; Schröter M. Der Streit um Spengler. München. 1922; Koellreutter O. Die Staatslehre Spenglers. Iena. 1924; Hughes H. S. Oswald Spengler. A Critical Estimate. New York — London. 1952; Spengler-Studien. Festschrift fur Manfrui Schroter. Hg. v. A. M. Koktanek. München. 1965; Murjahn G. Romantik und Reahsmus in der Lehre Oswald Spenglers. Berlin. 1968; Fischer K. History and Prophecy: Oswald Spengler and the Decline of the West Durcham, 1977; Eckermann K. Oswald Spengler und die moderne Kulturkntik. Bonn, 1980; Spengler heute. Hg. v. P.C. Ludz. München, 1980; Merlio G. Oswald Spengler. Temoin de son temps. Stuttgart 1982; Naehei J. Oswlad Spengler. Reinbek, 1984. Особо следует выделить две работы отливающиеся широтой охвата и глубоким анализом творчества Шпенглера Koktanek A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit. Munchen. 1968; Felken D. Oswald Spengler. Konservativer Denker swischen Kaiserreich und Diktatur. Munchen, 1988. На русском языке после нашумевшего сборника «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”« (М., 1922) не было работ специально посвященных философу. Да их и не могло быть, коль скоро по ленинской оценке «хныкающим» Шпенглером и «глупыми шпенглерятами» способны заниматься только «образованные мещане» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174—175). Ленин любил припечатать идеологическою противника крепким словцом. В работах более или менее общею плана, где затрагивался Шпенглер оценки его творчества были крайне уничижительны. Исключение представляет вступительная статья К. А. Свасьяна к вышедшему в 1991 г первому тому «Заката Европы». Правда, за яркостью стиля и экспрессивной манерой изложения порой трудно уяснить, а что собственно хотел сказать автор. Но пока это лучшее что у нас имеется.

родился сын, получивший имя Освальд Арнольд Готфрид Шпенглер. Сорокалетняя мать, потерявшая за год до этого своего первенца, не прожившего и трех недель, была счастлива, но больше иметь детей не хотела. Тем не менее вслед за Освальдом на свет появились три дочери — Адель Гертруда и Хильдегард.

Отношения в семье были далеко не безоблачными Бернхард Шпенглер не отличался честолюбием и не стремился сделать карьеру. Его вполне удовлетворяла скромная должность почтмейстера. Иное дело, жена Паулина, происходившая из артистической среды — ее родители были балетмейстерами. В юности она в качестве горничной сопровождала свою сестру, прима-балерину Адель в гастрольных поездках и повидала блеск европейских дворцов. После ранней и неожиданной смерти Адели она получила сравнительно крупное наследство, однако поскольку была уже отнюдь не юной, то, вероятно, так и осталась бы старой девой, если бы не повстречался ей бравый почтмейстер, предложение которого было принято без колебании. Но муж не оправдал надежд Паулины, и семейные сцены следовали одна за другой.

Так было в Бланкенбурге, так продолжалось и в вестфальском городке Сёст, куда семья переехала в 1886 г. В столь тяжелой семейной атмосфере, когда мать предпочитала большую часть времени проводить в саду и рисовать на пленэре, а не заниматься домом и детьми, Освальд подрастал нервным и боязливым ребенком. Обычно дети такого психологического типа обладают неистощимой фантазией, и действительно Освальд часами рассказывал восхищенным сестренкам удивительные истории, полные приключений и романтики.

Осенью 1891 г. семья переехала в старинный университетский город Галле, где Освальд продолжил обучение в гимназии Латина, пытавшейся соперничать со знаменитой Шульпфорте (школа-интернат «Врата учения»), делавшей упор на гуманитарную подготовку своих воспитанников, прежде всего на преподавание древних языков. Современным языкам в Латине уделяли меньше внимания, и поэтому Шпенглер, хотя и читал по-английски, по-французски, по-итальянски и немного понимал русский язык, говорить или писать на этих языках не решался.

Уже в гимназии Латина проявилось редкое сочетание дарований Освальда: он был одним из лучших учеников по истории и географии и вместе с тем обнаружил прекрасные способности к математике. Любимым его занятием стало чтение, все карманные деньги Освальд тратил на покупку дешевых издании книг У. Шекспира, И. В. Гете, Г. Клейста, О. де Бальзака, Г. Флобера, Стендаля, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и особенно почитавшегося им Ф. М. Достоевского. Шпенглер стал также завсегдатаем театра в Галле и навсегда подпал под очарование музыки Рихарда Вагнера.

Но, может быть, самым важным открытием Освальда явилась университетская библиотека, куда он сумел записаться, хотя для гимназистов она была недоступна. Там он и познакомился с произведениями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, величественная поэма которого «Так говорил Заратустра» произвела на юношу такое впечатление, что вся семья была вынуждена выслушивать вечерами его декламации отрывков из поэмы, произносившиеся с жаром первооткрывателя. Впрочем, особого энтузиазма у слушателей Освальд не вызывал, ибо мать читала только журналы, а отец — вообще ничего не читал считая чтение занятием бесполезным.

Вскоре Освальда охватил зуд сочинительства, и он задумал написать драмы «Цезарь», «Тиберий» и «Сократ», а также трагедию «Мальстрём» о легендарном норвежском принце Харальде. Но закончил он лишь драму «Монтесума» — о благородном касике ацтеков и его враге, конкистадоре Кортесе. Однако пьеса, посланная Освальдом дяде, режиссеру Кассельского театра была вежливо отклонена. Это несколько охладило юного графомана.

В октябре 1899 г. Шпенглер закончил гимназию. Болезнь сердца освобождала его от службы в армии, и встала проблема выбора дальнейшей профессии. После некоторых раздумий Освальд решил посвятить себя преподавательской деятельности и записался на

естественно-математическое отделение университета Галле.

Однако уже первые лекции и семинары разочаровали его, поскольку Освальд почувствовал, что математика не его призвание. Вместо занятий он усердно читал Ницше, Толстого и Ибсена, знакомился с произведениями анархистов и социалистов.

Смерть отца летом 1901 г. побудила Освальда перейти в Мюнхенский университет, но и там он редко посещал занятия, большей частью проводя время в библиотеке и в музеях. Жажда новых впечатлений привела Шпенглера в Берлин, где вновь его чаще можно было видеть не в университетской аудитории, а на скамьях для публики в рейхстаге, на него неизгладимое впечатление произвели выступления лидера социал-демократов А. Бебеля.

В конце концов Освальд вернулся домой, в Галле, чтобы завершить образование и защитить диссертацию, дававшую право преподавания в старших гимназических классах.

Под руководством философа Алоиза Риля (1844—1924) Шпенглер подготовил работу о древнегреческом мыслителе Гераклите, опубликованную в 1904 г.[2]

Выбор такой темы был, скорее всего, продиктован влиянием Ницше, который в своем первом крупном произведении «Рождение трагедии» подчеркнул, что философы и филологи до сих пор пренебрегали досократиками, «словно и не было шестого века с его рождением трагедии, его мистериями, его Пифагором и Гераклитом»[3].

Особенно привлекала Шпенглера идея Гераклита о вечном становлении, в котором смешиваются воедино бытие и небытие, постоянство и изменчивость. Поэтому все реальное приобретало лишь относительный характер. Усиливая этот гераклитовский принцип, Шпенглер настаивал на том, что процесс чистого становления подчиняется мысли, как «такт ее движения», а само понятие мысли или разума он отождествлял с понятием «судьба», хотя у самого Гераклита такого термина нет[4].

Шпенглер интерпретировал философию Гераклита как систему абсолютного релятивизма, оперируя при этом историческими доводами. Учение Гераклита носило аристократический характер и воспринималось как протест против подъема древнегреческой демократии. Понимание неизбежности падения аристократии привело Гераклита, по мысли Шпенглера, на позицию героического принятия трагической судьбы, позицию, которая стала столь характерной чертой всей дальнейшей философии самого Шпенглера.

Он защитил докторскую диссертацию не без трудностей, ибо ученый совет посчитал, что Шпенглер игнорировал некоторые уже имевшиеся работы о Гераклите. Молодой доктор философии после недолгого повышения квалификации в Саарбрюккене и годичной стажировки в Дюссельдорфе, в результате которой он получил звание старшего учителя и право преподавать историю и математику, в 1908 г. приступил к работе в одной из гамбургских гимназий. Но по-прежнему больше, чем преподавание, его привлекала литература, и Шпенглер задумал драматический цикл о Лютере, Бисмарке и габсбургской династии. Однако, как и ранее, он все еще не мог окончательно определить, в чем же его призвание.

В феврале 1910 г. неожиданно скончалась Паулина Шпенглер. Полученная Освальдом часть наследства позволила ему отказаться от опостылевшего преподавания, и он начал вести тот образ жизни, который наиболее отвечал его трудному характеру и духовным запросам. Конечно, небольшое наследство могло обеспечить жизнь лишь куда более скромную, чем позволило бы жалование преподавателя гимназии. Но Шпенглер, который никогда не придавал большого значения условиям жизни, предпочел материальному благополучию свободу и в марте 1911 г. перебрался в Мюнхен, очаровавший его еще с университетских времен своими музеями и картинной галереей.

---

[2] *Spengler O.* Der Meuphysische Grundgeddnke der Herdkhtischen Philosophic. — *Spengler O*. Reden und Aufsatze. München, 1937.

[3] *Ницше Ф.* Соч., т. 1. М, 1990, с. 98—99.

[4] *Spengler O*. Reden und Aufsatze, S. 38—46.

К сумеркам «Заката»

Мюнхен начала XX в. соперничал с Парижем за титул культурной столицы Европы, а значит, и всего мира. В городе с 600-тысячным населением на реке Изар царила атмосфера либерализма и творческих дерзаний. Мюнхен был наводнен революционерами, анархистами, мистиками, эстетами, художниками, поэтами и музыкантами.

Здесь жили австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875—1926) и писатель Томас Манн (1875—1955). Писатели-бунтари Эрих Мюзам (1878—1924) и Эрнст Толлер (1893—1939) пропагандировали поэтико-романтический анархизм, а кружок поэта-символиста Стефана Георге (1868—1933) и его последователей Фридриха Гундольфа, Эрнста Бертрама и Людвига Клагеса провозгласил лозунг «Искусство ради искусства!». В конце 1911 г. Василий Кандинский (1866—1944), Франц Марк (1880—1916) и Алексей Явленский создали объединение художников «Голубой всадник», сделавшее Мюнхен центром абстрактного модернизма. Мистик Альфред Шулер (1865—1923), публичные лекции которого о магии и оккультизме после войны внимательно слушал Гитлер, носился с идеями возрождения античности и мечтал излечить великого безумца Ницше исполнением перед больным ритуального танца. Идея провалилась из-за отсутствия необходимых для танца медных лат.

Проповедники авангардизма и расовой мистики, анархизма и праворадикальных утопий чувствовали себя в Мюнхене как рыбы в воде, и это придавало городу особый ореол, отражавший веяния начала нового века.

Шпенглер, поселившийся в самом богемном мюнхенском районе — Швабинге, наблюдал за всем этим с отвращением и презрением. Он находил, что ни в одном из уголков земного шара не скопилось столько грязи и пошлости, сколько в предвоенной баварской столице.

Презрение к модернистским направлениям в литературе и искусстве сказалось не только на мыслях Шпенглера, но и на его замкнутом образе жизни. Часами он с холодным высокомерным видом прогуливался по Швабингу, проникаясь все большей мизантропией и антипатией к людям. Даже разговоры с друзьями казались ему метанием бисера перед свиньями.

Но, как обычно бывает в подобных случаях, за высокомерием и холодностью скрывались неуверенность в себе и глубочайшая неудовлетворенность.

Презрение Щпенглера к людям производило на них крайне негативное впечатление. Т. Манн писал: «Ну, был бы он циничным, как дьявол! Но он всего лишь фатален. Он не нашел ничего лучшего, как назвать предшественниками своих гиеноподобных пророчеств Гёте, Шопенгауэра и Ницше. Это были люди. Он же всего лишь пораженец гуманизма»[5].

И сам Шпенглер глубоко страдал от отсутствия у него любви и человеческого тепла и не раз жаловался на то, что его сердце не могут затронуть никакие глубокие переживания. Вместе с тем он был чувствителен, и его чувствительность подчас приобретала болезненную, едва ли не патологическую окраску. Даже один вид неудачного в архитектурном отношении здания мог вызвать у Шпенглера физические страдания, а то и слезы. Его мучили частые головные боли. Дважды во время прогулок по Мюнхену он впадал в беспамятство и забывал собственный адрес.

В таком нервозном состоянии он начал работу над главным трудом своей жизни — «Закатом Европы». Толчком к этому послужил марокканский кризис 1911 г., когда немецкая канонерка «Пантера» совершила нашумевший поход в порт Агадир, чтобы показать Франции, что Германия не намерена более поступаться своими интересами в Африке. Однако кризис обнаружил изоляцию Германии и закончился ее отступлением,

[5] *Mann T.* Über die Lehre Spenglers. — Altes und Neues. Frankfurt a M., 1976, S. 136.

несмотря на кажущееся сохранение прежнего статус-кво. Шпенглер рассматривал этот кризис как поворотный пункт своего духовного развития, когда всемирно-исторические перспективы представились ему в неожиданном сочетании: «Я увидел современность — грядущую мировую войну — в совершенно ином свете Это уже не была единственная в своем роде констелляция (сцепление. — *А. П.*) случайных, зависящих от национальных настроений, личных влияний и экономических тенденций фактов, на которых историк с помощью какой-либо причинной схемы политического или социального характера создает видимость единства и объективной необходимости: это был тип исторического стыка времен, занимавшего биографически предопределенное в ходе столетий место в точно очерченных границах большого исторического организма»[6].

Работа над первым томом продолжалась около шести лет и была закончена в апреле 1917 г. Его публикация в мае следующего года вызвала настоящий фурор, первый тираж был раскуплен моментально, в мгновение ока из безвестного отставного учителя, изредка публиковавшего статьи об искусстве, Шпенглер превратился в философа и пророка, имя которого было у всех на устах. Только в 1921—1925 гг. и только в Германии вышло 35 работ о Шпенглере и об этом его произведении.

В самой популярности «Заката Европы» таился некий парадокс, так как книга предназначалась для весьма узкого круга читателей-интеллектуалов. Но тот налет сенсационности, который сопровождал книгу Шпенглера со времени ее появления и от которого так и не удалось избавиться, породил множество искажений и недоразумений вокруг этого принесшего автору головокружительный успех шедевра, цель которого, по словам самого автора, заключалась в том, чтобы «попытаться впервые предопределить историю»[7].

Какова же философия истории, предложенная Шпенглером?

Прежде всего он отбросил общественную и укоренившуюся схему периодизации истории на Древний мир, средние века и новое время как «невероятно скудную и бессмысленную»[8] и отказался считать только Европу эталоном исторического измерения. Для всемирной истории выделенные им арабская, индийская, вавилонская, мексиканская, китайская и египетская культуры имеют такое же значение, что и античность и западный мир. Сравнение между этими восемью культурами должно было повлечь за собой такие же последствия для исторического познания, как для естественных наук — преодоление докоперниковской картины мира, когда Европа рассматривалась в качестве центра, вокруг которого вращались все прочие культуры.

Средством познания истории Шпенглер объявил метод аналогии: «Средство для познания мертвых форм — математический закон. Средство для понимания форм живых — аналогия»[9]. Таким образом, культуры представляют собой «живую природу», а растения, животные и человек подчинены ее «органической логике». Поэтому «юность, подъем, расцвет, упадок» — это не выражение субъективных оценок, а «объективные определения органического состояния»[10].

Параллелизм между развитием культурного мира и всеобщим естественным процессом привел Шпенглера к заключению о феномене «одновременности», согласно которому стадии развития одного культурного мира можно определить по аналогии с существовавшими. Для сравнительной морфологии культур, которую Шпенглер рассматривал как конечную цель своей концепции, этот феномен становился ключом, позволявшим открыть генетический код любой отдельной культуры. И для раскрытия развития и будущей картины западного культурно-исторического мира такой меркой

---

[6] Нами использовано издание книги, куда вошли оба тома: *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. München, 1961, S. 67.
[7] Ibid., S. 3.
[8] Ibid., S. 21.
[9] Ibid., S. 4.
[10] Ibid., S. 36.

стала у Шпенглера античность, в которой его эрудиция была потрясающей. Гораздо меньше уделил он внимания расположенной между античностью и западным миром «магической» арабской культуре. О культурах же Египта, Индии, Китая, не говоря уже о Вавилонии и культуре майя, Шпенглер упоминал только в коротких разрозненных пассажах. И это вызвало ряд обоснованных критических замечаний[11].

В основе любой культуры лежит, по Шпенглеру, некий прасимвол, который можно обозначить как рок или судьбу, в каждом случае неповторимую и уникальную. Это делает культуры непроницаемыми друг для друга, хотя их морфологический костяк всегда одинаков. Так, прасимволом египетской, арабской, античной и западной культур выступают соответственно путь, пещера, отдельное тело и бесконечное пространство. А направляет развитие каждой культуры особая, только ей присущая судьба, к которой невозможно подходить с позиций доказательств и объяснения. Из сферы науки с ее принципом причинности мыслитель попадает в область мифа, с понятиями и символами которого научное мышление несовместимо.

По мнению Шпенглера, рациональное мышление, логика в принципе доступны каждому, поэтому естественные науки демократичны. Но истинный историк прежде всего чувствует, переживает ход исторического процесса, а такая инстинктивная интуиция — привилегия избранных.

Итак, жизненный путь каждой культуры запрограммирован судьбой, а ее конкретное содержание определяется специфической душой, внешним выражением которой и является эта культура. Поэтому единство и неповторимое своеобразие каждой культуры обусловлено особой душой. Так, в основе античной культуры лежит аполлоновская душа, в основе арабской — магическая душа, в основе западной — фаустовская.

В грандиозной морфологии мировой истории, созданной Шпенглером, в его стремлении истолковать культуры на основе одного принципа, безусловно, содержится множество спорных толкований отдельных деталей. Но для понимания его философии истории это имеет второстепенное значение, тем более что и сам Шпенглер подчеркивал. «Речь идет о первой попытке, отягощенной всеми ошибками таковой, неполной и наверняка не лишенной внутренней противоречивости»[12]. Важнее поэтому вопрос о самих принципах его философии, ее основах и предпосылках, ибо это вопрос о месте самого Шпенглера в истории человеческой мысли и о духовной ситуации, породившей его книгу.

Зачастую Шпенглера без особых оговорок включают в направление «философии жизни»[13]. Столь удобное подведение под анонимность общего понятия внешне снимает проблему, но отнюдь ее не решает, так как Шпенглер явно не гармонирует со многими основными принципами «философии жизни», а только с большим трудом и натяжками втискивается в них, подобно путнику, попавшему в гости к злобному Прокрусту.

Сам Шпенглер не считал себя последователем «философии жизни» и не упоминал в своих работах ее истинных выразителей — Вильгельма Дильтея (1833—1911), Георга Зиммеля (1858—1918) и Анри Бергсона (1859—1941), хотя, если судить по его письмам, был знаком с их произведениями. При этом надо иметь в виду, что Шпенглер вообще считал своими предшественниками и вдохновителями только Гете и Ницше и в какой-то мере Лейбница. Однако уже через Ницше он должен был неизбежно вступить в сферу «философии жизни», хотя бы в ее гносеологическом аспекте.

Исходным пунктом философии Шпенглера выступала противоположность истории и природы: «Математика и принцип причинности ведут к естественному упорядочиванию явлений, хронология и идея судьбы — к историческому»[14]. Такую противоположность отмечали уже неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт, а до них Дильтей, знаменитый

[11] Hughes H. S. Op. cit., p. 67—69.
[12] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. VII.
[13] См., например: Современная западная философия. М., 1991, с. 327—329.
[14] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes, S. 10.

принцип которого гласил: «Природу мы объясняем, духовную жизнь — понимаем»[15]. При этом ключом к пониманию считалась интуиция, занимавшая центральное место в учении Дильтея и Бергсона. По убеждению последнего, разум в состоянии описать лишь внешние очертания объекта, но в глубину жизни может проникнуть только интуиция. Бергсон писал, что «интеллект характеризуется естественным непониманием жизни»[16]. Такое разведение творческой интуиции и разума, как бы скользящего по внешней стороне объекта, было характерно и для Шпенглера «Рассудок, система, понятие, «познавая», убивают. Они превращают познанное в застывший предмет, позволяющий изменять и расчленять себя Созерцание одушевляет. Оно включает единичное в живое, внутренне прочувствованное единство»[17].

В гораздо большей степени, чем «философии жизни», Шпенглер, по его собственному признанию, был «обязан философии Гете… и лишь в гораздо меньшей степени — философии Ницше»[18]. Особенно подкупало Шпенглера то, что в естественно-научных сочинениях Гете нельзя обнаружить никаких законов, формул, следов причинности. А также восхищало учение Гете о прафеномене, лежащем в основе всего сущего. В соответствии с морфологическими построениями Гете и сам Шпенглер определял цель своего произведения таким образом: «Выделить из сплетения мирового свершения тысячелетие органической культурной истории, взятое как единство, как особь, и осмыслить его в его сокровеннейших душевных условиях»[19].

Справедливость своих взглядов Шпенглер стремился доказать методом аналогий, часто весьма рискованных и не всегда убедительных. Но в применении самых неожиданных аналогий он показал себя «подлинным виртуозом»[20]. Вот как спародировал тягу Шпенглера к аналогиям его большой почитатель, австрийский писатель Роберт Музиль (1880—1942): «Есть лимонно-желтые бабочки, есть лимонно-желтые китайцы, можно, следовательно, сказать: бабочка — это среднеевропейский крылатый китаец-карлик. Бабочки, как и китайцы, известны как символ сладострастия. Здесь впервые обращается внимание на не замеченное еще никем соответствие великой эпохи чешуекрылой фауны и китайской культуры. То, что у бабочки есть крылья, а у китайца их нет — всего лишь поверхностный феномен»[21]. Музиль не отвергал в принципе метод аналогий, но сомневался в том, что ими можно доказывать исторические законы Позднее об этом же писал и Карл Раймунд Поппер, для которого история «в некоторых отношениях» повторяется, но при этом Попперу ясно, «что при всех этих повторениях здесь примешиваются весьма непохожие обстоятельства, способные оказывать большое влияние на дальнейшее развитие. У нас нет поэтому никаких оснований ожидать, что какой-либо процесс, который кажется нам повторением исторического развития, надолго будет идти параллельно своему прообразу»[22]. Замечания Поппера справедливы. Однако для Шпенглера речь шла не о науке с ее рационально-логическими доказательствами, а о сфере интуитивного проникновения, творящего мифы, для которого легкость в обращении с историческими фактами является неотъемлемым атрибутом.

Заколдованный круг циклов

В основе концепции Шпенглера лежала идея циклического развития истории по замкнутым и несоприкасающимся кругам. Сама эта идея уходит корнями в столь глубокую древность, что немецкий философ и психолог Эдуард Шпрангер (1882—1963) в

[15] *Dilthey W*. Gesammelte Schnften, Bd. V. Göttingen, 1990, S. 144.
[16] *Bergson A*. Schöpferische Entwicklung. Jena, 1921, S. 170.
[17] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. 137.
[18] Ibid., S. 68.
[19] Ibid., S. 208.
[20] *Schulz W*. Phlosophie in der veranderten Welt. Pfullingen, 1972, S. 577.
[21] *Musil R*. Geist und Erfahrung. — Gesammelte Werke, Bd. 8. Reinbek, 1978, S. 1044.
[22] *Popper K. R*. Das Elend des Histonzismus. Tübingen, 1979, S. 87.

1926 г. резонно поставил вопрос: а не является ли она «первоидеей человечества» вообще?[23]

У Шпенглера — с его принципом культурно-исторического круговорота и идеей обособленности культурных образований — имелось множество предшественников. Мысли эти восходят еще к «циклу вечных превращений» Гераклита, трактовкам античного историка Полибия о циклах различных форм устройства государства или даже космологии китайского мыслителя Чжоу Яня, перенесшего на историю природный циклизм. В средние века эстафету циклизма продолжили итальянский мыслитель Иоахим Флорский и теолог-философ кардинал Николай Кузанский. Здесь следует отметить и арабского философа и историка XIV в. Ибн Хальдуна, идеи которого Шпенглер едва ли не буквально повторил, на что уже обращалось внимание[24].

А с началом нового времени счет имен идет едва ли не на десятки. Европейские философы и историки Никколо Макиавелли и Фрэнсис Бэкон, Жан Бодэн и Иоганн Готфрид Гердер, Джамбаттиста Вико и Карл Вольграф, Николай Данилевский и Константин Леонтьев — все они в той или иной мере и с некоторыми нюансами придерживались идеи не прямолинейного, а циклического или спиралеобразного развития истории.

Критики Шпенглера особое внимание уделяли схожести его концепции со взглядами Данилевского в книге «Россия и Европа», вышедшей в 1871 г.[25] Действительно, схема русского мыслителя предвосхищала построения Шпенглера. Однако, во-первых, Шпенглер вряд ли был знаком с малоизвестной не то что в Европе, но и в самой России книгой Данилевского, переведенной в Германии только в 1920 г. Во-вторых, Данилевский принципиально отличается от Шпенглера тем, что, выделив 10 культур, он положил в их основу присущие только им ценности, например, для древней Греции — идею прекрасного. А Шпенглер настаивал на том, что любая культура — это герметичное целое с присущим только ему собственным миром ценностей. И это весьма важное различие. К тому же и сам Данилевский обязан своей концепцией немецкому историку Генриху Риккерту, в 1857 г. опубликовавшему «Учебник мировой истории в органическом изложении». Поэтому бездоказательным является утверждение С.Н. Фрумкина о том, что учение Шпенглера «о жизненных циклах отдельных, не связанных между собой культурно-исторических миров» якобы было заимствовано им «вплоть до многих деталей» у Данилевского[26].

Нет никаких оснований упрекать Шпенглера в незнании генеалогического древа его теории. Он писал своему издателю Оскару Беку о том, что ему пришлось «ознакомиться с полусотней предшественников, среди них наиболее известны — Лампрехт, Дильтей и Бергсон. Количество их тем временем должно было перевалить за сотню. Если бы я захотел прочитать хотя бы половину, то и сегодня не закончил бы работу… сегодня вообще невозможно высказать что-нибудь такое, что не было бы затронуто в посмертных сочинениях Ницше»[27]. Почти у всех предшественников Шпенглера имелось больше отличавшихся от его концепции элементов, нежели одинаковых.

Специфической и новой чертой его теории было приложение циклической модели не к народам, нациям, государствам и цивилизациям, а к культурно-историческим мирам,

---

[23] *Spranger E.* Die Kulturzyklentheone und das Problem des Kulturverfalls. — Gesammelte Schriften, Bd. V. Tübingen, 1969, S. 4.

[24] *Dempf A.* Die ewige Wiederkehr. Ibn Chaldun und Oswald Spengler. — Hochland, 1922, Bd. 20, S. 113—130, Fisch J. Kausalitat und Physiognomik. Zyklische Geschichtsmodelle bei Ibn Haldun und Oswald Spengler. — Archiv fur Kulturgeschichte, 1985, Bd. 67, S. 263—309.

[25] *MacMasier R. E.* Danilevsky and Spengler: A New Interpretation. — Journal of Modern History, 1954, № 26, p. 154—161.

[26] *Фрумкин С. Н.* Освальд Шпенглер и неонацизм. — В кн.: Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971, с. 125.

[27] *Felken D.* Op. cit., S. 60.

понимаемым весьма оригинально. Но при этом без проблем не обошлось.

Если в первом издании 1918 г. речь шла о западноевропейской культуре, то вступление США в первую мировую войну и тем самым их выход на мировую арену заставили Шпенглера в переработанном издании 1922 г. говорить уже о западноевропейско-американской культуре. Но такой трансокеанский характер культуры не совсем соответствовал его мысли о географически строго очерченных границах культур.

Сложность возникла и с тезисом о тысячелетнем ритме развития культуры. Чтобы довести западную культуру до современности, Шпенглер, с одной стороны, датировал ее начало 1000 г. Но, с другой стороны, аполлоновская культура античности завершалась в его концепции с появлением Христа. В таком случае образуется вакуум, пустота между античным миром и Западом, в которую «проваливаются» поздняя античность и начальная стадия средневековья. Впрочем, сложность уложить позднюю античность и арабский мир в схему: древний мир — средние века — новое время — отмечали и такие историки, как Эрнст Корнеман и Анри Пиренн[28].

Мысль о невозможности сравнивать отдельные культуры одновременно очерчивала для Шпенглера и границы их понимания: «Основные черты мышления, жизни, осознания мира столь же различны, как черты лица отдельных людей… общая символика — прежде всего языка — питает иллюзию однородно устроенной внутренней жизни и идентичной формы мира. Великие мыслители отдельных культур подобны в этом отношении дальтоникам, которые не подозревают о своем состоянии и взаимно посмеиваются над ошибками друг друга»[29].

В таком случае встает вопрос, почему же сам Шпенглер, будучи представителем западной культуры, считал вправе описывать иные исторические миры, более того, давать характеристики их таинственной и — согласно его же теории — непроницаемой для него души? По этому поводу иронизировал еще Томас Манн: «Только господин Шпенглер понимает их все вместе и каждую в отдельности и так рассказывает, так разливается о каждой культуре, что это доставляет удовольствие»[30].

Однако насмешка Манна, да и множества прочих критиков, не вполне корректна. Дело в том, что такое кажущееся противоречие Шпенглер предвидел и объяснял специфической интерпретацией западного сознания. В «Закате Европы» историческое чутье без особой аргументации становится сущностной чертой фаустовской души. Внутренний ее инстинкт позволяет понять мир как целенаправленный поток времени с его преемственностью и взаимосвязями, а потому логично приводит к идее развития. Шпенглер писал: «Приходило ли вообще какому-нибудь греку в голову, что историческое развитие может иметь некую цель? А разве можем мы размышлять об истории и творить ее без этой мысли?»[31].

Убеждение Шпенглера в том, что только человек Запада в отличие от всех прочих культур предназначен для понимания истории, уходит своими корнями в традицию немецкого историзма XIX в. Основополагающая идея историзма — понять человека из его историчности, т.е. изменчивости и постоянного развития, — характерна и для Шпенглера. Не без основания поэт-экспрессионист Готфрид Бенн (1886—1956), ставший после 1933 г. приверженцем нацистского «народного обновления», считал, что принцип «все течет» — это чисто немецкое познание. Поэтому, «Гераклит — первый немец, Платон — второй немец, а все они — гегельянцы»[32]. Еще ранее Ницше отмечал эту «немецкую» черту в книге «По ту сторону добра и зла»: «И сам немец не есть, он становится, он «развивается» Поэтому «развитие» является истинно немецкой находкой и вкладом в огромное царство

[28] *Demandt A.* Spengler und die Spatantike. — Spengler heute. Hg. v. P. Ch. Ludz. München, 1980, S. 30.
[29] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes, S. 212—233.
[30] *Mann Th.* Op. cit. S. 137.
[31] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes, S. 191.
[32] *Benn G.* Gesammelte Werke, Bd. 1. Wiesbaden, 1959, S. 411.

философских формул, оно представляет собой то доминирующее понятие, которое в союзе с немецким пивом и немецкой музыкой стремится онемечить всю Европу»[33].

Поскольку Шпенглер абсолютизировал подход к истории, присущий западному миру, его морфология мировой истории, хотя и содержала в себе сильные элементы релятивизма, претендовала на то, чтобы стать философией истории всех культур. И тем не менее даже фаустовский человек, который в облике Шпенглера правильно интерпретирует ход истории, подчинен неумолимости ее процессов. Не допускающая свободного вмешательства человека, история циклически движется к цели, к закату и гибели, но ведь такая цель смысла не имеет. Получается парадокс: история функционирует как телеология, но без цели. Поэтому-то Шпенглер и поместил на вакантное место цели идею судьбы, подчеркивая, что «телеология — это карикатура идеи судьбы»[34].

Но такое фатальное и неизбежное угасание культуры должно порождать, по мысли Шпенглера, не стремление уйти от действительности в мир иллюзий, а героическое бесстрашие, с которым и следует встретить и осознать закат нашего мира: «Кто не понимает, что ничто уже не изменит этого исхода, что нужно либо желать этого, либо вообще ничего не желать, что нужно любить эту судьбу или отчаяться в жизни и будущем, кто не чувствует величия, присущего этой активности властных умов, этой энергии и дисциплине натур, твердых, как металл, этой борьбе, ведущейся ледяными и абстрактнейшими средствами, кто морочит голову провинциальным идеализмом и тоскует по стилю жизни истекших времен, — тот должен отказаться от того, чтобы понимать историю, переживать историю, творить историю»[35]. В этом и заключалась квинтэссенция шпенглеровской философии истории, философии фатализма и героического пессимизма одновременно.

При этом не надо думать, как это часто случается, будто у Шпенглера речь идет о физической гибели культурно-исторического мира. Он продолжает существовать, но его обитатели уже не живут полнокровной духовной жизнью, а влачат чисто биологическое существование. Внутреннее богатство духа сменяется внешней, лихорадочной и даже инстинктивной активностью. И встает вопрос: но разве Шпенглер не приближался своими утверждениями к истине? Возьмется ли кто-нибудь совершенно честно утверждать, что в XX в. человек живет более богатой в духовном отношении жизнью, чем представитель века XIX? Кто может аргументировано заявить, что в литературе, живописи, музыке, поэзии люди западного мира в XX в. создали более выдающиеся произведения по сравнению с прошлым столетием?

Конечно, если что и является несомненным, так это прогресс в науке и технике. Но является ли он благом? Резонно поставив такой вопрос, доктор химических наук, завсектором Института истории естествознания и техники РАН С. Г. Кара-Мурза пишет, что «неограниченный рост искусственно созданных потребностей и соответствующая экспансия производства создали реальную угрозу разрушения не только среды обитания. Стало очевидным, что они разрушают и само человечество как систему»[36]. Так не прав ли был Шпенглер, ставя под сомнение само понятие прогресса и ничем не ограниченного бесконечного развития?

Культура и цивилизация

Основой для критики Шпенглером современности явилось разделение и даже противопоставление культуры и цивилизации, которые трактовались соответственно как

[33] *Ницше Ф.* Соч., т. 2. М., 1990, с. 364.
[34] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes, S. 157.
[35] Ibid., S. 53.
[36] *Кара-Мурза С. Г.* Наука и кризис цивилизации. — Вопросы философии, 1990, № 9, с. 12.

«живое тело душевности и ее мумия»[37]. Переход от культуры к стадии цивилизации для Запада он датировал рубежом XVIII—XIX вв.

В этом Шпенглер был неоригинален. Подобная мысль встречалась уже у Канта, а чуть позднее — у Вильгельма фон Гумбольдта. Для них цивилизация характеризовалась падением морали. В этом немецкая мысль отличалась от английской и французской, где цивилизация понималась как синоним прогресса, что характерно, например, для известного труда Генри Томаса Бокля «История цивилизации в Англии».

Цивилизация, охватывающая, по теории Шпенглера, последние 200—300 лет существования культуры, характеризуется бесцельностью и окостенением. На первый план он выдвигает антагонизм мирового города и провинции. Для первого характерен космополитизм, для второй — чувство родины. Город ставит понятие «общество» выше понятия «государство», в нем формируется новый тип человека, внутренне чуждого культуре: «К мировому городу принадлежит не народ, а масса. Ее непонимание всякой традиции, означающее борьбу против культуры … ее натурализм совершенно нового смысла, опирающийся на первобытные человеческие инстинкты и состояния»[38].

Шпенглер, а до него Буркхардт и Ницше уловили тенденцию к созданию массовой культуры с ее культом потребления. У тех людей, которые усматривали в новом только негативные элементы, отход от прежних идеалов вызывал чувства глубокого разочарования и пессимизма[39].

Такие чувства уводили от удручающей реальности в царство души, воспринимавшееся Шпенглером во многом через творчество Достоевского. Иван Карамазов произносит эпитафию старой Европе, куда собирается поехать: «И ведь знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более»[40]. Достоевский считал западную культуру умершей, поскольку она забыла христианские истины, еще хранимые простым народом, и попала в оковы рационализма и интеллектуализма. И когда Шпенглер говорил о грядущей с Востока «второй религиозности», он шел по стопам Достоевского.

При этом сам Шпенглер решительно отказывался считать себя пессимистом. В 1921 г. он опубликовал в «Прусских ежегодниках» небольшую статью «Пессимизм?», где заявил, что «падение античности нельзя смешивать с гибелью океанского лайнера»[41]. В последнем случае речь идет о мгновенной катастрофе, в первом — о постепенном угасании, происходящем естественным путем.

Из этого Шпенглер предлагал сделать практические выводы, еще раз напоминая своим читателям: «Я постыдился бы идти по жизни с такими дешевыми идеалами. Трусость прирожденных ханжей и мечтателей в том, что они боятся взглянуть реальности в лицо»[42].

Такой реализм Шпенглер усматривал в признании того, что искусство и абстрактная философская мысль исчерпали свои творческие возможности. На смену им приходит новая, машинная, техническая эстетика, определенная Шпенглером в стиле манифеста футуристов: «Я люблю глубину и точность физических и математических теорий, по отношению к которым эстет и физиолог являются дилетантами»[43].

---

[37] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. 450.
[38] Ibid., S. 46.
[39] *Popov S*. Der europaische Kulturpessimismus. Koin, 1982.
[40] *Достоевский Ф.* М. Собр. соч., т. 9. Л., 1991, с. 259.
[41] *Spengler O*. Reden und Aufsatze, S. 63.
[42] Ibid., S. 74.
[43] Ibid., S. 61.

Если в цивилизации и есть что-либо ценное, так это принцип полезности, даже в отношении философии: «Всякая строка, не предназначенная служить активной жизни, кажется мне ненужной»[44]. Отвергая ярлык пессимиста, Шпенглер писал: «Нет, я не пессимист. Пессимизм означает: не видеть более никакой задачи. Я же вижу еще столько нерешенных задач, что, боюсь, для их решения нам не хватит ни времени, ни людей»[45]. Описание насущных задач и людей, способных их решить, которые должны обладать для этого «римской твердостью» и «железными нервами», привело Шпенглера к его знаменитому пророчеству: «И не будем забывать ни того, что лежит позади нас, ни того, что нас, людей этого столетия, ждет впереди. До нового Гёте мы, немцы, более уже не дотянем, но до нового Цезаря — вполне»[46].

Позиция Шпенглера, его демонстративный отказ от идеалов прошлого вызвали замешательство и последовавший за ним взрыв негодования в академических кругах, которых, по язвительному замечанию немецкого философа и музыкального критика, одного из лидеров французской школы Теодора Адорно (1903—1969), Шпенглер «отчитал, как фельдфебель — новобранца»[47]. Даже такой вдумчивый и тонкий мыслитель, как Эрнст Трёльч (1865—1923), философ и историк религии, не преминул в рецензии на первый том «Заката Европы» отметить «принципиальную манию величия» Шпенглера[48]. Сам же Шпенглер, как бы заранее предвидя обвинения в антинаучности и упреки в мифотворчестве, уходил от научной критики в иное измерение, замечая в предисловии, что тот, «кто занят дефинициями, не ведает судьбы»[49]. Научная методика заменялась у него философией судьбы, но это-то и очаровывало многочисленных читателей. Такое причудливое переплетение поэзии и науки переводит «Закат Европы» в особый жанр «интеллектуального романа».

Появление этого нового жанра литературы еще в 1922 г. отметил Т. Манн: «Сейчас читают явно больше, чем до войны, причем я ясно вижу, что предпочтение отдают тому типу книги, который я назвал бы интеллектуальным романом»[50]. В качестве примеров такой литературы Манн назвал собственные «Размышления аполитичного», «Путевой дневник философа» Германа Кайзерлинга, книгу Эрнста Бертрама «Ницше. Опыт мифологии» и «Закат Европы». В таком же духе выразился и Франц Кафка: «Многие так называемые ученые транспонировали мир поэта в иную, научную область и достигли тем самым славы и величия»[51].

Характерной чертой этой идущей от Ницше литературы стала подчеркнуто литературная и отшлифованная по стилю форма изложения, заменившая строгие научные понятия интуицией, мифами и символами. Такой подход позволял сравнительно легко и свободно компоновать разнородный материал в цельную конструкцию. Говоря словами Бертрама, «все случившееся становится образом, все живущее — легендой, вся действительность — мифом»[52]. Из такого убеждения исходит и Шпенглер, для которого нет никаких окончательных исторических истин, а сами критерии интерпретации являются не истинными или ложными, а «поверхностно-банальными» или «глубокими». Развивая эту мысль, он убеждал читателя в том, что истина не нуждается в научном обосновании, ибо «природу следует трактовать научно, а историю — поэтически. Старый Леопольд фон Ранке однажды заметил, что «Квентин Дорвард» Вальтера Скотта и

---

[44] Ibid., S. 64.
[45] Ibid., S. 75.
[46] Ibid., S. 79.
[47] *Adorno T.* Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. Frankfurt a. M, 1969, S. 53.
[48] *Troeltsch E*. Oswald Spengler. Der Untergang des Abendlandes (I). — Gesammelte Schriften, Bd. IV. Tübingen. 1925, S. 678 (Rez.).
[49] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. IX.
[50] Frage und Antwort. Interviews mit Thomas Mann. 1909—1955. Hg. v. V. Hansen, G. Heine. Hamburg, 1983, S. 51.
[51] *Janouch G*. Gespräche mit Kafka. Frankfurt a. M., 1968, S. 109.
[52] *Bertram E.* Nietzsche. Versuch einer Mythologie. Berlin, 1922, S. 6.

является, собственно говоря, подлинной историографией. Так оно и есть: преимущество хорошего исторического труда в том, что читатель сам способен быть Вальтером Скоттом»[53].

Но в то же время, претендуя на раскрытие истины, Шпенглер отказывал своим читателям в праве быть Шпенглерами, тем самым «Закат Европы» отсекался от художественного произведения и возвращался в лоно философских трактатов.

Эпоха цезаризма

Появление первого тома «Заката Европы» вызвало небывалый ажиотаж, ибо книга сумела определить идейную ситуацию в Германии тех лет как никакое другое произведение, а сам автор превратился в интеллектуальную звезду своего времени.

Однако, чем более шумным становился успех книги у читателей, тем более ожесточались и нападки на нее. А харизматическое пренебрежение Шпенглера авторитетами заставляло его критиков платить ему той же монетой. Обвинения в дилетантизме, некомпетентности, претенциозности градом сыпались со всех сторон. Но раздавались и другие голоса. Для немецкого социолога Георга Зиммеля книга была «самой значительной по философии истории со времен Гегеля»[54]. В восторге от книги был писатель Герман Гессе. Она произвела сильное впечатление на столь различных философов, как Людвиг Виттгенштейн и Эдмунд Гуссерль[55].

В левых и марксистских кругах интеллигенции ярлыки, приклеенные Шпенглеру, уже переходили грань корректности. Для публициста и сатирика Курта Тухольского Шпенглер — всего лишь «грошовый гипсовый Наполеон», для австрийского писателя Германа Броха — «невежественная заносчивость»[56], а марксистский философ Дьёрдь Лукач назвал Шпенглера представителем «паразитической интеллигенции империалистического периода»[57].

Не отличались от предшественников и советские авторы. Так, для С. Н. Фрумкина Шпенглер — это «истый фашист», исполненный «ненависти к безусловно удавшемуся большевистскому эксперименту»[58] (что-то сказал бы сейчас г-н Фрумкин об этом «эксперименте?» — *А. П.*). «Идеологом нацизма» представил Шпенглера О. Л. Вайнштейн[59].

Но если такие характеристики вполне отвечали идейной ситуации тех лет, то непонятно, что же побудило социолога Ю. Н. Давыдова в 1987 г. обвинить Шпенглера в «провинциализме и местечковости» (весьма странный, на наш взгляд, термин), изобразить его «фантазером»[60]? И уж совсем сомнительны утверждения Ю. К. Мельвиля, обнаружившего у Шпенглера «извращенное сознание» с его «фантастически невежественными представлениями» и «страшной мешаниной совершенно произвольных антинаучных идей», прямиком ведущих в «мутный источник зарождения идеологии национал-социализма»[61].

В 1919—1922 гг. в Германии развернулась дискуссия вокруг Шпенглера. Имевший

---

[53] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. 129.
[54] Buch des Dankens an Georg Simmel. Berlin, 1958, S. 252—253.
[55] *Hesse H*. Politik des Gewissens, Bd. 1. Frankfurt a M., 1977, S. 344, Wittgenstein L. Vermischte Bemerkungen Frankfurt a. M, 1977, S. 43.
[56] *Tucholsky K*. Gesammelte Werke, Bd. 9. Reinbek, 1975, S. 225; Broch H. Briefe, Bd. 13/1. Frankfurt a. M., 1981, S. 44.
[57] *Lucacz G.* Von Nietzsche zu Hitler. Frankfurt a M., 1966, S. 158.
[58] *Фрумкин С*. Н. Указ. соч., с. 136, 133—134.
[59] *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979, с. 93.
[60] Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987, с. 258—260.
[61] *Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К*. Буржуазная философия середины XIX — начала XX века. М., 1988, с. 417, 449, 451.

высокий международный авторитет философский журнал «Логос» выпустил специальный номер, где семеро маститых профессоров (авторами были специалисты в области гуманитарного знания Г. Бекинг, К. Йоль, Л. Курциус, Э. Метцгнер, Э. Франк, Э. Шварц, В. Шпигельберг) обрушились на дилетантизм Шпенглера и скрупулезно перечислили его ошибки и неточности в истории Древнего мира, искусства и естествознания[62]. Но их педантичная ученая критика вызвала у читателей обратный эффект. В радикально-демократическом журнале «Вельтбюне» журналист Р. Левинсон едко отозвался о профессорской мелочности: «Большинство неспециалистов вовсе не стремится уяснить различия пятой и шестой династий (фараонов. — *А. П.*), а хочет узнать о больших культурно- и духовно-исторических взаимосвязях. Пока солидная историческая наука ничего не может об этом сообщить, публика будет обращаться, и это не самое плохое, к сомнительным аутсайдерам»[63].

Работа над вторым томом «Заката Европы», который Шпенглер хотел завершить к весне 1919 г., была прервана в связи с бурными событиями в Германии, переключившими его внимание на другие проблемы. К тому же ожесточенная полемика вокруг книги заставила его еще раз продумать концепцию, и лишь в апреле 1922 г. рукопись была завершена.

Центральное место во втором томе заняли темы политические. При их анализе Шпенглер вновь исходил из противопоставления цивилизации и культуры. На этот раз он увязывал эту проблему с оценкой социальных сословий. Создателями и носителями культуры в его концепции предстают дворянство и духовенство, в деятельности которых сосредоточен смысл исторического процесса. Он подчеркивал, что творческая сила дворянства коренится в кровной связи с землей, а последняя есть основа всего человеческого бытия. Поэтому дворянство — это «сословие в собственном смысле слова», самой судьбой предназначенное для руководства государством[64].

Буржуазию Шпенглер трактовал не как сословие, а как скопление людей, уже покидающих сферу культуры. Последняя связана с землей, а буржуазия рождается в городах. Город же уничтожает сословные порядки и саму культуру тем, что там появляется четвертое сословие (масса, или плебс), ненавидящее культуру, ибо, по мысли автора, «масса — это конец, радикальное ничто»[65]. При этом Шпенглер указывал на неумолимость такого процесса. И именно поэтому он не впадал в сословно-романтическую утопию, а предрекал иное: в эпоху цивилизации за власть борются не сословия, а цезари.

Шпенглер очень высоко оценивал роль государства. Но с приходом цивилизации оно начинает утрачивать авторитет, вместо идеальных устремлений на первый план выдвигаются материальные интересы и власть денег. В итоге на авансцену истории врываются харизматические личности как властелины новой охлократии: «Я называю цезаризмом образ правления, по своей внутренней сути абсолютно бесформенный». Одновременно с цезаризмом приходит борьба народов за мировое господство, «вступление в эпоху великих битв»[66].

Цезаризм и стремление к созданию мировых империй Шпенглер рассматривал как трагический и величественный закат. Для него это вовсе не вершина истории, но ее варварский, хотя и неизбежный конец. Поэтому нет никаких оснований считать Шпенглера певцом цезаризма, однако и тут не обошлось без противоречий.

С одной стороны, для Шпенглера цезаризм как истинный продукт цивилизации означал господство популистского диктатора, т. е. анархиста во главе деструктивных исторических сил. С другой — цезарь в его концепции ликвидирует ненавистную

---

[62] Logos, 1920/1921, Bd. IX, H. 2. Spenglerheft.
[63] *Schröter M*. Der Streit um Spengler. München, 1922, S. 30.
[64] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. 973.
[65] Ibid., S. 1004.
[66] Ibid., S. 1101, 1081.

Шпенглеру демократию и коррупцию в политике, подпавшей под власть финансового капитала. Задача цезаря — создать новые традиции путем отбора квалифицированной элиты и «управлять миром, пришпоривая его, как хороший наездник»[67].

Таким образом, по мысли Шпенглера, демократические идеалы свободы, равенства и справедливости вначале были грубо извращены господством капитала, а затем и ликвидированы установлением диктатуры. Демократия у него не только не имеет никаких шансов на выживание, но и просто их не заслуживает, ибо, по убеждению Шпенглера, коррупция политических партий, манипуляция общественным мнением и превращение парламентских выборов в своего рода комедию составляют неотъемлемую черту демократии. Однако жаловаться на это могут лишь «далекие от мира идеалисты»[68].

Шпенглер уловил новые тенденции в политическом развитии Европы, характерной чертой которого стало, по словам американского историка Дж. Моссе, «ужесточение жизни»[69]. Прежние ориентиры и идеалы были либо «с хохотом брошены в бездну»[70], либо отодвигались на задний план под агрессивным натиском толпы и вождей нового типа, циничных и аморальных. Старая Европа корчилась в предсмертных конвульсиях, распятая между коммунистическим Вельзевулом и фашистским Мефистофелем. Действительно, казалось, что грядет эпоха цезарей, век диктаторов Сталин в России, Муссолини в Италии, Гитлер в Германии, Франко в Испании, Салазар в Португалии, Хорти в Венгрии, Дольфус в Австрии, Пилсудский в Польше, Ульманис в Латвии, Сметона в Литве. Поистине, Шпенглер оказался гениальным провидцем, но только на короткое время. Его «век цезарей» пронесся по истории огненно-кровавым метеоритом и исчез. Вот только – исчез ли он окончательно?

Социализм по прусскому образцу

Потрясения, пережитые Германией в конце 1918 г. — военное поражение, гибель кайзеровского режима, революция и провозглашение республики, — не оставили Шпенглера равнодушным и заставили его обратиться к актуальным политическим проблемам. С непривычной для себя быстротой с августа по ноябрь 1919 г. он создал политический памфлет под броским названием «Пруссачество и социализм». Позднее Шпенглер не без гордости писал, что «с этой книги берет свое начало национальное движение» в Германии[71]. Учитывая весьма аморфный и противоречивый характер этого движения, следует признать заявление Шпенглера несколько преувеличенным, но имеющим и рациональное зерно. Его идеи взяли на вооружение младоконсерваторы которые в отличие от консерваторов старого типа, стремившихся к реставрации монархии, выступали не только против либерализма и парламентарной системы, но и против довоенного общественного устройства Германии. Представителям этого движения «консервативной революции», как назвал его в 1927 г. австрийский писатель Гуго фон Хофманстель, политические сочинения Шпенглера давали историческое обоснование и руководящие идеи. Соперничать с ними могла лишь появившаяся спустя четыре года книга главного идеолога младоконсерватизма Артура Мелтер ван ден Брука (1876—1925) «Третья империя».

В своей книге Шпенглер выступил как бы в двух ипостасях одновременно, как хранитель традиции и как провозвестник немецкой нации будущего. А будущее это он усматривал в соединении «старопрусского духа и социалистических взглядов, которые — одно и то же, хотя сегодня и ненавидят друг друга братской ненавистью»[72]. Пруссачество,

---

[67] *Spengler O*. Die Jahre der Entscheidung. München, 1933, S. 38.
[68] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. 1127.
[69] *Mosse G. L*. Intervista sul nazismo. Bari, 1977, S. 44.
[70] *Spengler O*. Der Untergang des Abendlandes, S. 1142.
[71] *Spengler O*. Politische Schriften. München. 1932, S. VII.
[72] Ibid., S. 4.

обновленное социализмом, Шпенглер считал не провалившейся, а еще не завершенной миссией нации, утверждая, что подлинным несчастьем немецкой истории явилось не военное поражение, а революция. Прежде всего новый «немецкий социализм следует освободить от Маркса. Именно немецкий, потому что никакого другого нет»[73].

Начало революции в Германии Шпенглер датировал июлем 1917 г., когда большинство рейхстага, состоявшее из социал-демократов, либералов и партии Центра, приняло «мирную резолюцию», призывавшую все воюющие страны немедленно приступить к переговорам о заключении мира.

Вслед за этой «революцией в кабинетах фракций» началась вторая фаза, уличная, — «за революцией глупости последовала революция низости. И вновь это был не народ, даже не социалистически настроенная масса, это был сброд во главе с отбросами литературы». Шпенглер полагал, что революционный дух не имел ничего общего ни с национальной психологией немцев, ни с трезвой прагматичностью англичан. Лишь во Франции этот дух обрел свою подлинную родину, ибо все ужасы якобинского террора, потоки крови и оргии беснующейся толпы как нельзя лучше отвечали «садистскому духу этой расы»[74].

Во избежание недоразумений понятие «пруссачество», подчеркивал Шпенглер, нельзя понимать в географическом смысле, это — «жизненное восприятие, инстинкт, внутреннее веление»[75]. Противопоставляя прусский и английский дух, Шпенглер обращал внимание на то, что они имеют «два нравственных императива противоположного вида, развивавшихся постепенно из орденского духа немецких рыцарей и духа викингов. Одни несли в себе дух германизма, другие стояли выше этого личная независимость и надличностное сообщество. Сегодня это называют индивидуализмом и социализмом»[76].

Островное положение Великобритании поставило общество выше государства, поскольку сильной власти там просто не требовалось. Иначе говоря, Шпенглер воспринял идею о том, что существует обратно пропорциональная связь между внешним давлением и внутренней свободой. Отсюда сформировалось и различное этическое начало: «Чтобы преодолеть прирожденную человеческую инертность, прусская социалистическая этика гласит в жизни речь идет не о счастье. Работая, ты исполняешь свой долг Английская капиталистическая этика гласит богатей, тогда тебе больше не нужно будет трудиться»[77]. Поэтому то, что в капиталистической Англии дает богатство, в социалистической Пруссии определяет авторитет. И подытоживая рассуждения, Шпенглер делал вывод Фридрих Вильгельм I, а не Карл Маркс был первым сознательным социалистом»[78].

Шпенглер считал, что Маркс построил свою теорию только на примере Англии и превратил ее национально-социальное своеобразие в общую теорию исторического развития всех стран.

Против марксистской теории Шпенглер выдвинул прусско-социалистическое представление о солидарности, по которому «труд является не товаром, а долгом»[79]. Из прусского социализма, по его мнению, необходимо изъять марксизм, а также ликвидировать финансовый капитализм, но не методом экспроприации частной собственности, а путем принятия законодательных актов, с помощью которых превратить всех граждан в служащих государства.

Антикапиталистические выпады Шпенглера не следует рассматривать упрощенно, только как демагогические. Во-первых, они значительно ущемляли интересы предпринимателей, во-вторых, укладывались в общее русло консервативно-германской

[73] Ibidem.
[74] Ibid., S. 9, 11.
[75] Ibid., S. 29.
[76] Ibid., S. 32.
[77] Ibid., S. 43.
[78] Ibidem.
[79] Ibid., S. 81.

критики современного устройства общества.

Вместе с тем в книге Шпенглера почти ничего не говорится о социальных условиях жизни рабочих. Скорее всего, объясняется это тем, что его не интересовали экономические проблемы. Главным для Шпенглера было не социалистическое преобразование экономики, а изменение социального сознания трудящихся в направлении достижения общенациональной солидарности. Это характеризует Шпенглера прежде всего как этатиста, выразителя идеи примата государства, которому, по его мнению, в равной мере угрожают эгоистические интересы всех социальных слоев и классов.

Книга Шпенглера вызвала большой интерес и множество откликов. Один из руководителей СДПГ и тогдашний обер-президент Восточной Пруссии Август Винниг считал, что его произведение оказало на общественное мнение большее влияние, чем в свое время знаменитые «Речи к немецкой нации» И. Г. Фихте, и предложил Шпенглеру сотрудничество в своем журнале «Морген».

Популярность книги Шпенглера объяснялась и ее оптимистическим духом. В обескровленной, поверженной Германии она пробуждала чувство национальной гордости. Коль скоро революция с целью достижения прусского социализма не закончена, утверждал автор, то для Германии не закрыт путь в будущее, к рангу мировой державы. Один из идеологов консерватизма, писатель и философ Эрнст Юнгер, посылая Шпенглеру в 1932 г. свою книгу «Рабочий», написал: «Освальду Шпенглеру, выковавшему после разоружения Германии первое новое оружие»[80].

«Национальная революция»

Выход «Заката Европы» сделал Шпенглера знаменитостью во всей Германии. От восторженных почитателей он получал множество писем. Шпенглер был принят в высшем свете Мюнхена. Им заинтересовались в так называемых национально-мыслящих кругах политиков и предпринимателей. Довольно тесные отношения сложились у Шпенглера с промышленниками Г. Стиннесом и А. Фёглером, магнатом печати и лидером националистов А. Гугенбергом, с бывшим вице-канцлером К. Гельферихом, с руководителем правой военизированной организации Г. Эшерихом, с рейнским фабрикантом П. Ройшом. В эти же годы Шпенглер стал частым гостем в мюнхенской квартире Макса Вебера, где между гостем и хозяином велись оживленные многочасовые дискуссии.

Уже тогда становится заметным настороженное отношение Шпенглера к нацистскому движению. Когда после провала «пивного путча» в Мюнхене 26 февраля 1924 г начался фарсовый судебный процесс против Гитлера и его сподвижников, Шпенглер в тот же самый день выступил перед студентами Вюрцбурга с докладом «Политический долг немецкой молодежи», в котором предостерегал молодежь от увлечения национал-социализмом.

Симпатии большинства баварского студенчества были отданы путчистам, выступавшим под лозунгом «национальной революции», тогда как Шпенглер призывал студентов сохранять консервативные ценности. Он впервые, не называя, впрочем, имен, критиковал национал-социализм и Гитлера: «Мы должны, наконец, понять, что большая политика столь же мало исчерпывается организацией и агитацией, программой и взыванием к чувствам, сколь и решением одних только экономических проблем. Толковый предприниматель — это еще не политик, а барабанщики и дудочники тем более не полководцы»[81].

Неприятие Шпенглером национал-социалистических идей отразилось и в опубликованной чуть позднее работе «Переустройство германского рейха», где он иронизировал над «легкомыслием» своих сограждан, стремившихся «построить политику

[80] *Felken D*. Op. cit., S. 114. Книга хранится в архиве Шпенглера в Мюнхене.
[81] *Spengler O*. Politische Schriften, S. 151.

на расовом чувстве», тогда как в настоящей политике «речь идет не о длине черепа, а о том, что скрывается внутри его»[82].

Но Шпенглер критиковал не только национал-социалистические и националистические идеи. С не меньшей резкостью отзывался он и о Веймарской республике, в которой правили «некомпетентность, трусость и подлость» и в которой процветали «коррупция и разложение административного аппарата, грозящие превратить Германию в европейскую Индию»[83]. Странно, но Шпенглер не сумел или не захотел увидеть, что Г. Штреземан, которого он считал предателем национальных интересов Германии, на самом деле был одним из наиболее ярких и последовательных их выразителей и защитников.

Вторая половина 20-х годов была временем затишья в жизни Шпенглера. Его целиком поглотила работа над большим чисто философско-антропологическим сочинением, которое так и осталось незаконченным и в виде нескольких тысяч фрагментов было опубликовано только в 1965 г. А. Коктанеком, исследователем архива Шпенглера, под заголовком «Первовопросы. Фрагменты из архива».

В настроении Шпенглера произошел определенный перелом: усилились его разочарование и скептицизм. Интуитивно он угадывал, что на Германию надвигается мрачная тень чего-то нового и тревожного. Не случайно свою вышедшую летом 1931 г. книгу «Человек и техника», пропитанную настроением безысходности, он заканчивал пассажем о жертвенности: «Время удержать нельзя; нет никакого мудрого поворота, никакого умного отказа. Лишь мечтатели верят в выход. Оптимизм — это малодушие. Долгом стало терпеливое ожидание на утраченных позициях, без надежды, без спасения. Ожидание, как у того римского солдата, чьи кости нашли перед воротами Помпеи и который погиб, потому что при извержении Везувия его забыли отозвать. Такой честный конец — единственное, чего нельзя отнять у человека»[84].

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис подтверждал тревожные предчувствия Шпенглера. Период относительного политического спокойствия в Германии подошел к концу. Пробил час парламентарной демократии. Наступил этап президиальных кабинетов, опиравшихся не на рейхстаг, а на волю президента П. Гинденбурга. Коммунисты и национал-социалисты слева и справа дружными усилиями раскачивали и топили утлую лодку веймарской демократии, стремясь опрокинуть ее на голову противника и отправить его на дно вместе с республикой.

Проблема — Шпенглер и национал-социализм — сложна и противоречива. Попробуем разобраться в некоторых ее аспектах, не претендуя на бесспорность суждений и выводов. Шпенглер не был принципиальным противником национал-социализма, т.е. считать его антифашистом было бы явным преувеличением. На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г и 5 марта 1933 г. он голосовал за НСДАП. И на президентских выборах в марте 1932 г. Шпенглер отдал свой голос за кандидатуру Гитлера, объяснив, правда, это так своей сестре Хильдегард, опекавшей этого одинокого, нелюдимого и, в сущности, глубоко несчастного человека: «Гитлер — болван, но движение следует поддержать»[85].

Такая позиция Шпенглера объяснялась тем, что он полагал: к власти в Германии могут прийти либо коммунисты, либо национал-социалисты. Но его удручало отсутствие подлинного вождя, ясной политической концепции и примитивность лозунгов сторонников национал-социализма, с которыми его связывала только враждебность к республике. Поэтому первые законы «карнавального министерства», как он называл правительство Гитлера, направленные на свертывание демократических свобод и ликвидацию конституционно-парламентарной системы, не вызывали его протеста.

Но столь же грубой ошибкой было бы и считать Шпенглера сторонником

---

[82] Ibid., S. 202—204.
[83] Ibid., S. 200.
[84] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. München, 1931, S. 89.
[85] *Felken D.* Op. cit., S. 186.

национал-социализма. На самом деле все было сложнее. Если многих видных интеллектуалов — охватила в те дни национал-социалистическая эйфория и они наперебой приветствовали возрождение новой Германии, то Шпенглер ни разу не высказался публично в поддержку нового режима.

18 марта 1933 г. он получил от министра пропаганды Геббельса телеграмму с приглашением выступить по радио с речью о великом «Дне Потсдама».

Состоявшийся 21 марта «День Потсдама» представлял собой торжественную церемонию в потсдамской гарнизонной церкви, где над гробницей Фридриха II канцлер Гитлер и президент Гинденбург обменялись рукопожатием, символизирующим примирение и союз старой Пруссии и молодого национально-революционного движения.

Предложение Геббельса было логичным. Кому, как не автору книги «Пруссачество и социализм», прокомментировать немецкому народу столь впечатляющий спектакль? Однако Шпенглер, несмотря на советы родных и знакомых принять предложение министра, ответил холодновато-вежливым отказом.

В основе отказа лежали две причины. Во-первых, Шпенглер не признавал НСДАП наследницей прежнего консервативного национального движения. Во-вторых, выступление означало бы непосредственную поддержку Гитлера, а Шпенглер стремился быть политически независимым. К тому же с начала года он работал над новым политическим сочинением, которое хотел озаглавить «Германия в опасности», но затем, чтобы избежать недоразумений, изменил название на «Годы решения»[86]. Книга появилась на полках магазинов в августе 1933 г.

Значимость этого труда, оказавшегося итоговым, состоит в том, что он помог определить ту во многом расплывчатую грань, которая отделяла правый консерватизм Веймарской Германии от национал-социалистической идеологии. Это произведение так и осталось единственным критическим сочинением, которое появилось в нацистской Германии. Уже одно это делает книгу Шпенглера уникальной.

Во введении Шпенглер коротко оценивал смысл и значение событий 1933 г. Одобрительно отозвавшись о «национальном перевороте» и выразив надежду, что Германия «вновь превратится из объекта в субъект истории», он, казалось бы, открыто поддержал нацизм. Однако сразу вслед за этой общей и позитивной оценкой дается резкая критика нового режима и его идеологии: «Этот захват власти произошел в круговороте силы и слабости. С сожалением вижу я, с какой шумихой празднуется он ежедневно. Было бы правильнее сберечь это для дня действительного и окончательного успеха, т. е. внешнеполитического». Но «национал-социалисты считают, будто они в состоянии соорудить свои воздушные замки без остального мира и вопреки ему»[87].

С редким для лета 1933 г. мужеством высказал Шпенглер свое порицание новым правителям. «К власти пришли люди, упивающиеся властью и стремящиеся увековечить то состояние, которое годится на мгновение. Правильные идеи доводятся фанатиками до самоуничтожения. То, что вначале обещало величие, заканчивается трагедией или фарсом»[88].

Отмежевавшись от идей национал-социализма, Шпенглер вместе с тем неверно оценил истинные цели и намерения Гитлера Миролюбивую риторику Гитлера первых лет он принял за чистую монету и добровольный отказ от ранга великой державы. А Шпенглеру такой кажущийся пацифизм представлялся тем большей опасностью, что, по его убеждению, «мы вступили в эпоху мировых войн», которая «началась в XIX в., продолжается в нынешнем и, очевидно, будет и в следующем веке».

Шпенглер был убежден в естественном характере войн и не верил в возможность окончательного урегулирования конфликтов мирными переговорами. С его точки зрения,

---

[86] *Spengler O.* Jahre der Entscheidung, I Teil: Deutschland und die weltgeschichliche Entwicklung. 2. Auflage. München, 1980.
[87] Ibid., S. 16, 24.
[88] Ibid., S. 16.

мир — это не что иное, как «продолжение войны другими средствами: стремление побежденных ликвидировать последствия войны путем договоров и стремление победителей увековечить их», т. е. последствия[89]. В Германии эти строки напоминали народу о тяжелых условиях Версальского договора и о постоянных трениях с Францией после первой мировой войны.

В будущем, по Шпенглеру, ведущее положение в мире займут страны, отвечающие определенным требованиям, к которым он относил наличие мощных сухопутных сил и флота, хорошо функционирующих банков и промышленности, и, конечно же, страны, имеющие сильные стратегические позиции в мире[90]. Таким требованиям, полагал Шпенглер, отвечали лишь немногие государства, а в перспективе мировая мощь, по его мнению, постепенно будет перемещаться из Европы в Азию и Америку.

К странам, которые постепенно могли стать ведущими в мире, Шпенглер относил США и Японию, отмечая при этом их неизбежное столкновение за господство в Тихом океане. Хорошие перспективы, считал он, имеет и Россия, но только после освобождения от большевистского режима: «Большевистское правительство не имеет ничего общего с государством в нашем смысле, каким была петровская Россия. Подобно «Золотой Орде» в монгольскую пору, оно состоит из правящей орды — коммунистической партии с главарями и всемогущим ханом, а также с бесчисленной, покорной и беззащитной массой. Тут мало что уцелело от подлинного марксизма, кроме лозунгов и программы. На деле налицо чисто татарский абсолютизм, который стравливает весь мир и грабит его, не зная никаких границ… хитрый, жестокий, использующий убийство как повседневное средство власти»[91].

Что касается Европы, то Шпенглер отмечал ослабление позиций Великобритании, устарелость ее промышленности и торговли и постепенное истощение «творческой энергии». Романским же странам он отводил в будущем «только провинциальное значение»[92].

Второй главной темой в книге «Годы решения» была проблема общества. Здесь вновь проявилась враждебность Шпенглера к демократии. С горечью и даже ненавистью описывал он современное общество с его коррумпированными парламентами, грязными финансовыми махинациями, стремящееся оплевать и унизить идеалы отцов в романах и спектаклях, с его разнузданностью нравов и падением морали, проникшими даже в аристократические круги — все это означало для поклонника старой культуры Шпенглера то, что отныне тон в обществе задает плебс[93].

В «Тысячелетнем Рейхе»

Шпенглер намеревался написать и второй том, посвященный роли и задачам Германии в современном мире. Но, узнав о крайне неблагоприятном впечатлении, которое произвели «Годы решения» на нацистскую верхушку, и о раздававшихся требованиях запретить книгу, он отказался от этого плана. Нет, Шпенглер не испугался. Причина в другом – этот человек был слишком горд, чтобы писать книги, обреченные на конфискацию.

Между тем «Годы решения» имели большой читательский успех. Тираж книги раскупили мгновенно, и к концу октября он перевалил за 100 тыс. экземпляров. Национал-социалисты, вначале было решившие просто игнорировать сочинение Шпенглера, более не могли отмалчиваться.

Атаку начал главный нацистский философ, профессор А. Боймлер, позднее

[89] Ibid., S. 40, 49.
[90] Ibid., S. 72.
[91] Ibid., S. 74.
[92] Ibid., S. 84—86.
[93] Ibid., S. 103.

руководивший отделом науки в ведомстве по организации «нового порядка» в Европе А. Розенберга. В официозной газете он заявил, что Шпенглер настолько «наглый и бесстыдный» автор, что ни разу не упомянул в книге «ни имя Гитлера, ни слово национал-социализм»[94]. В ноябре того же года Боймлер, выступая с докладом в берлинской Высшей школе политики, вновь обрушился на Шпенглера, назвав его «врагом рабочего и вообще всякого национал-социалистически мыслящего немца», пропагандистом «фаталистической рабской морали»[95]. В хор обвинителей включились писатель А. Цвайнигер и экономист К. Муке, приписавшие Шпенглеру критиканство, некомпетентность и безответственность суждений[96].

Уже широко известный автор погромных антисемитских работ, публицист и видный деятель СС, Иоганн фон Леере выпустил резкий антишпенглеровский памфлет, где заявил. «Книга Шпенглера стала тайным Евангелием для всех тех, кто не в состоянии выговорить вторую часть слова национал-социализм. Обдуманный, продажный, рафинированный план уничтожения всего того, за что мы боролись! Это — генеральный план контрреволюции»[97]. Леере призывал покончить, наконец, с терпимостью в отношении автора книги.

Леерсу вторил и бывший почитатель Шпенглера, журналист и писатель, психически неуравновешенный и позднее сошедший с ума Г. Грюндель, выпустивший грязную книгу «Годы преодоления», где Шпенглер назван «мелодраматиком заката», «брюзжащим интеллектуалом», философия которого представляет собой «гибельное сладострастие романтика» и «хищный садизм декадента». А в конце следовал вывод: «Эту в своем роде прекрасную и сильную, но ядовитую змею следует убить»[98].

Министр пропаганды Геббельс некоторое время молча наблюдал за кампанией ожесточенной травли Шпенглера. Он все еще не терял надежды привлечь всемирно известного философа к сотрудничеству с новой властью. Тем более предстоял плебисцит о выходе Германии из Лиги наций, организации, которая отнюдь не пользовалась симпатиями мюнхенского мыслителя, назвавшего ее «толпой дачников, тунеядствующих на Женевском озере»[99]. И в конце октября Геббельс предложил Шпенглеру написать статью, «разъясняющую немецкому народу важность предлагаемого решения и призывающую его поддержать политику народного канцлера». Но Шпенглер вновь ответил отказом[100].

Терпение Геббельса лопнуло, и 5 декабря 1933 г. прессе было дано официальное указание: «Нежелательно вести дальнейшую дискуссию о Шпенглере Правительство просит больше не упоминать имени этого человека в печати»[101]. А за несколько дней до этого имперский руководитель радио О. Хадамовски запретил обсуждение книги «Годы решения» в специальной передаче, заявив, что в январе профессор Боймлер прочтет по радио три доклада на тему: «Закат Освальда Шпенглера — восход национал-социализма». На этом дело было закрыто, а имя Шпенглера предано забвению.

Расхождения между Шпенглером и новым режимом неуклонно нарастали. Гитлер публично заявил: «Я не последователь Освальда Шпенглера! Я не верю в закат Запада. Нет, я усматриваю дарованную мне Провидением миссию в том, чтобы воспрепятствовать

---

[94] Volkischer Beobachter, 31. VIII. 1933.

[95] *Vollnhals C*. Oswald Spengler und der Nationalsozialismus. — Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Bd. 13. Tel Aviv, 1984, S. 284.

[96] *Zwemiger A*. Spengler lm Dntten Reich. Oldenburg, 1933; Muhs K Spengler und der wirtschaftliche Untergang Europas. Berlin, 1934.

[97] *Leers J. von.* Spenglers weltpolitisches System und der Nationalsozialismus. Berlin, 1944, S. 6—7. Любопытна дальнейшая судьба Леерса. После разгрома «третьего рейха» он бежал в Египет, принял мусульманство и под именем Омара Амина до самой смерти в 1965 г работал советником по пропаганде у президента Насера.

[98] *Gründel G*. Jahre der Überwindung Breslau, 1934, S. 73—74.

[99] *Spengler O*. Jahre der Entscheidung, S. 34.

[100] *Spengler O*. Briefe 1913—1936. Hg. v. A. Koktanek. München, 1963, S. 709—710.

[101] NS-Presseanwenungen der Vorknegszeit, Bd. 1. 1933. Hgs. v. H. Bohrmann. München, 1984, S. 242.

этому»[102]. Шпенглер в долгу не остался и ядовито заметил, что ««Закат Европы» — книга, прочитанная фюрером в объеме лишь титульного листа»[103].

В начале июня 1934 г он впервые за много лет не поехал на любимый вагнеровский фестиваль, не желая сидеть в окружении «коричневой толпы». Но окончательно отвратила Шпенглера от нацизма так называемая «ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 г., серия политических убийств, глубоко его потрясшая.

В ходе кровавой чистки погибли не только руководители штурмовиков, громко требовавшие продолжения «национальной и социальной революции», но и консервативные противники режима — сотрудники вице-канцлера Папена Эдгар Юнг и Герберт фон Бозе, генералы Курт фон Бредов и бывший канцлер Курт фон Шлейхер, лидер левых национал-социалистов Грегор Штрассер, поддерживавший со Шпенглером тесные отношения, и многие другие.

Среди убитых оказался и близкий знакомый Шпенглера, музыкальный критик Вилли Шмидт, которого эсэсовцы перепутали с намеченной жертвой СА — группенфюрером Вильгельмом Шмидтом. Узнав о его гибели, Шпенглер истерически разрыдался, а в речи над могилой друга открыто и мужественно осудил убийства. Сестра Хильдегард и знакомые предлагали ему уехать за границу, но Шпенглер отказался, заявив, что «бежать теперь было бы трусостью»[104].

Может возникнуть вопрос: почему нацисты не расправились с открыто фрондировавшим Шпенглером? Точно ответить на него невозможно, но, скорее всего, они просто не решились на убийство всемирно известного философа, уже давно не имевшего к политике никакого отношения.

Теперь Шпенглер окончательно понял криминальную природу новой власти, которая оказалась не союзником, а опаснейшим врагом его мировоззрения. В октябре 1935 г. он порвал все связи с архивом Ницше, членом правления которого был многие годы. Поводом послужило то, что Элизабет Фёрстер-Ницше открыла архив покойного брата для идеологов «глубоко чтимого фюрера», надругавшихся над идеями великого мыслителя. Объясняя причину ухода, Шпенглер заметил' «Либо философия Ницше, либо философия архива Ницше, и если они противоречат друг другу, как это и случилось, то следует сделать выбор»[105].

Некоторую отдушину от бессилия и разочарования Шпенглер нашел в работе над вторым томом, к которому он все-таки приступил, книги «Годы решения», написав около 300 фрагментов, почти целиком посвященных национал-социализму. В них Шпенглер характеризовал духовно-нравственные качества нацизма как «расовый идиотизм», а методы нового режима — как «пытки, убийства, грабежи, беззаконие». Господство одной и бесконтрольной политической партии Шпенглер называл «коррупцией и деморализацией», подавляющей всякую критику, а «само существование этой эксплуататорской орды ашанти (народ в Африке. — *А. П.*), — считал он, — покоится на молчании жертв»[106].

Фрагмент этот примечателен тем, что в прямой проекции на реалии «третьего рейха» Шпенглер категорически отвергал принципиальные основы тоталитарной системы, несмотря (а может быть, благодаря) на весь свой консерватизм. Шпенглер сформулировал горький итог консервативно-национального движения так: «Мы хотели покончить со всеми партиями. Осталась же самая отвратительная»[107].

Конечно, проблема — Шпенглер и национал-социализм — действительно существует. Между ними можно найти немало точек соприкосновения, борьба против

---

[102] *Wagener O*. Hitler aus nächster Nähe. Frankfurt a. M., 1978, S. 290.
[103] *Koktanek A*. M. Op. cit., S. 458.
[104] *Felken D.* Op. cit., S. 224.
[105] *Spengler O*. Briefe, S. 751.
[106] *Felken D*. Op. cit., S. 229.
[107] Ibid.

Версальской системы и Веймарской республики, против либерально-демократической системы и марксизма, общее стремление к гегемонии Германии в мире. Но достаточно ли этого, чтобы утверждать, будто Шпенглер был первопроходцем нацизма? Думаю, что нет Здесь следует иметь в виду следующее обстоятельство: Шпенглер никогда не разделял расовой теории и антисемитизма, которые составляли сердцевину национал-социалистической идеологии. Уберите их, и мы получим не нацизм, а нечто совсем иное. Несовместимым был с мессианскими устремлениями Гитлера и пессимистический фатализм Шпенглера.

Оставим на совести выдающегося аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса то, что герой его рассказа «Немецкий реквием», комендант концлагеря, не расстается с книгой «Закат Европы». Хотя можно вспомнить, что большими почитателями Шпенглера были антигитлеровские заговорщики 1944 г. — Адам фон Тротт Зольц, Хеннинг фон Тресков, Ульрих фон Хассель.

Невозможно преуменьшить вклад Шпенглера в антидемократическую мысль веймарского времени. Но это не национал-социализм, а идеи консервативной революции, смешивать которые было бы грубейшей ошибкой. Призывы к диктатуре не означают автоматического отождествления с диктатурой национал-социализма. Речь скорее идет об авторитарном режиме бисмарковского типа. Шпенглер воспел не нацизм, а антилиберальную и антипарламентарную традицию немецкой философской и политической мысли, не обязательно ведущую к радикальным принципам Гитлера.

Трудно предположить, как сложилась бы дальнейшая судьба Шпенглера и его отношения с национал-социализмом. Предсказания — неблагодарное занятие для историка. Но в ночь с 7 на 8 мая 1936 г. в своей мюнхенской квартире Освальд Шпенглер скончался. В гроб положили две книги — «Так говорил Заратустра» и «Фауст», с которыми он всегда ездил отдыхать. Некоторое время ходили глухие слухи, что Шпенглер был убит группой гестаповцев, затем они постепенно стихли.

Сейчас имя Шпенглера и его идеи принадлежат истории. Очевидно, что из «Заката Европы» не выросла какая-либо заметная философская или иная традиция, за исключением философии техники, у истоков которой стоял Шпенглер. Побудительные импульсы получает от него и современная пессимистическая критика цивилизации и предупреждения о ее грядущем кризисе.

Но главное все же в другом. Необычайно артистичная, свободная и раскованная книга Шпенглера уже давно сама стала неотъемлемой частью европейской духовной культуры. И пока будет существовать Европа, будет существовать и это великолепное произведение.